

**ЗИНАИДА  
ГИППИУС**

БАРЫШНЯ И  
ДЕВЧОНКИ

# Зинаида Николаевна Гиппиус

## Барышня и девчонки

### Аннотация

«– Да что это за наказание? Ведь знаешь эту букву? Знаешь? Мавруша задумчиво шмыгнула носом, но тотчас, с усердием надувая щеки, произнесла:

– Б.

– Ну, а эта?

– Эта? А...»

# Зинаида Гиппиус

## Барышня и девчонки

– Да что это за наказание? Ведь знаешь эту букву? Знаешь?

Мавруша задумчиво шмыгнула носом, но тотчас, с усердием надувая щеки, произнесла:

– Б.

– Ну, а эта?

– Эта? А.

– Теперь вместе что будет? Вместе говори.

– Сряду?

– Господи, да говори их одну, потом сразу другую.

– Б, – твердо сказала Маврушка, остановилась и прибавила: а.

Лида хлопнула азбукой по колену: «Да нет, да нет! Вместе надо! Ты тяни, тяни одну сначала!». Мавруша, выпятив губы, затянула: «б-б-б...», но не выдержала, фыркнула и засмеялась.

Все три девочки засмеялись. Оне были почти одного возраста, лет по тринадцати, но очень друг на дружку не похожие. Катюша, кухаркина дочь, недавно выписанная из деревни в Москву, сидела на полу, на ковре, и быстро перебирая худенькими смуглыми руками, вязала чулок из серой шерсти. Она была тонконосая, кареглазая, в кубовом старом

сарафанишке с холщевыми рукавами и в желтом платке на гладких темных волосах.

– Не дается ей дело, – сказала она, приятно нараспев, без смущения. – А чего бы, кажись...

Барышня Лида, беленькая, с толстой рыжеватой косой на спине, только что хохотавшая, рассердилась:

– Это надо же быть такой глупой! Сколько времени я тебя учу? Ведь знаешь все буквы, почему же сложить не можешь? Катя бы, наверно, скорее поняла!

– Да я, барышня... – начала Маврушка и не кончила, опять шмыгнув круглым носом. У нее и глаза, и всегда растянутый рот, – все в лице было круглое. Эта – уже больше году жила в Лидиной семье девчонкой на побегушках. Толку от нее было мало: к учению кухаркину, как Лидину, оказалась непонятлива; неряха, притом, несусветная. Впрочем, послушна: по первому слову, со всех ног кидается... сама еще не зная, куда.

Лидочка твердо решила «образовать» Маврушку и, прежде всего, конечно, выучить ее читать. Ученье происходит по вечерам. Мамы, обыкновенно, дома нет, тетя, немного шальная, у себя французские переводные романы читает, и Лида, на низеньком стуле, рядом с Маврушкой на скамеечке, начинает урок. С тех пор, как выписана Аннушкина Катя, в зальцу является и она, с неизменным своим чулком: вяжет его «по саженкам». Что это значит «по саженкам», – непонятно, а Катя объяснить Лиде не умеет. Много из того,

что говорит Катя, – непонятно, однако нравится, и Лиду занимает. От матери – целый день тумачи. «За что девчонку бьешь?» – спросят Аннушку. Та, еще молодая баба, такая же темноглазая и тонконосая, таинственно-грозно сдвинет брови: «А речиста больно. Мое порождение! Хочу с кашей ем, хочу с маслом пахтаю!».

Катька, хоть тумачи терпела, но вид у нее был такой, что можно было сомневаться: с кашей ее, пожалуй, и не съешь. Мать выписала ее из дальней деревни – в ученье отдать, к модистке. И место сговорено, и будто водила уж ее Аннушка к мадаме на показ. А вот все еще Катька по вечерам у барышни с чулком; днем, в тесной кухонке, от матери тумачи получает и на постелюшке в углу тихо ревет.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.